

SERGEY N. ISKYUL

К ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ОДНОЙ КОАЛИЦИОННОЙ ВОЙНЫ НАЧАЛА XIX В.

Ситуацию, которая сложилась в Европе после разрыва в 1804 г. отношений между Россией и Францией, характеризует во всем ее многообразии едва ли не предельная насыщенность деятельными переговорами и дипломатическими миссиями в европейские столицы. Ситуация была действительно сложной, и из отчета о деятельности Министерства иностранных дел России, составленного товарищем министра иностранных князем Адамом Чарторыйским, вполне очевидно, что Александр I, уже вскоре по вступлении на престол ставший вершителем российской внешней политики, был озабочен принятием мер с целью объединения усилий по созданию коалиции противостоявших Франции держав. Усилия российской дипломатии в эпоху высокой дипломатической активности, которой ознаменовалось первое десятилетие XIX в. предпринимались в разных направлениях, но в историографии как в отечественной, так и в зарубежной, далеко не все документально и хорошо известно (Георгиев 270). В частности, то, что для российского императора участие Пруссии в коалиции европейских держав казалось более чем естественным, поскольку союз с королем был для него связан еще и личными отношениями с прусской королевской четой со времени их свидания в Мемеле в 1802 г. (Искюль 13-18). Кроме того, прусский «акцент», время от времени возникавший в продолжение всех этих переговоров и миссий дипломатов, был предопределен в силу самого географического положения Пруссии в срединной Европе.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ИСКЮЛЬ – доктор исторических наук, Ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН. Российская Федерация, 197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д.7; e-mail: iskiuuls@yahoo.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5974-8660>.

SERGEY N. ISKYUL – doctor of historical sciences Leading Researcher Saint-Petersburg Institute of History RAS 7. Petrozavodskaya Street, Saint-Petersburg, 197110 Russian Federation; e-mail: iskiuuls@yahoo.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5974-8660>.

Между тем политика Пруссии в это время была отмечена колебаниями и неустойчивостью, притом, что само положение дел в Европе, казалось бы, настоятельно диктовало проведение политики твердой и осмотрительной, политики сближения с потенциальными союзниками в целях создания коалиции держав, со Священной Римской империей, Швецией, естественно, с Англией, которая всегда в финансовом отношении поддерживала коалиции против Франции, и, разумеется, с Россией.

В отчете же о деятельности Министерства иностранных дел за 1805 г., составленного спустя три года, товарищ министра иностранных дел князь Адам Чарторыйский писал: «Берлинский двор, при всегдашних уверениях в дружбе и преданности, не переменил своего поведения означавшего нерешительность и заставлявшего даже сомневаться в искренности расположения его». При этом в отчете указывалось, что «все наши старания и доводы о преклонении двора сего к принятию участия в общем деле, оставались тщетными». Император рассчитывал предпринять шаги с тем, чтобы побудить Пруссию отказаться от политики бездействия. Но вместе с тем «отложить решительные с нею изъяснения до тех пор, как наступит время действовать, и тогда распорядить поступки свои против нее сообразуясь с обстоятельствами». В таком случае Пруссия «принуждена будет силою решиться предпочтительно соединиться с Россией...» (АВПРИ Оп. 468. № 2988. Т. I. Лл. 25-25 об).

Но дело осложнялось тем, что Фридрих-Вильгельм III и его внешнеполитические советники, главным образом влиятельный кабинет-министр граф Христиан фон Хаугвитц, вернувшийся к делам после кратковременной отставки, считали, что для Пруссии предпочтительнее было бы выступить посредницей между Россией и Францией, стараясь извлечь из этого пользу и при этом последовательно проводя политику нейтралитета, следуя принятому на вооружение принципу «политика государств строится, исходя из их географического положения» (Simms 176-182). Предложение же о прусском посредничестве проистекало из ситуации, в которой находились российско-французские отношения с весны 1804 г., но при этом прусские политики полагали, что дружественные отношения с Францией для нее наиболее желательны и в долгосрочном плане полезны. В то же время отношения с Россией она также стремилась поддерживать, отношения дружественные и союзнические. Что же касается посредничества и самого российско-французского примирения, то едва ли оно было достижимо в обозримом будущем, если сам министр иностранных дел Пруссии в депеше прусскому послу в Париж от 25 декабря давал понять, что слишком уж

тесное сближение между Россией и Францией было бы опасно для всей Европы, которая в таком случае была бы разделена на сферы влияния; кроме того он полагал, что в то время такое сближение едва ли было возможным, ибо разрыв между ними стал практически необратимым (*Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807* 328-329).

Однако, державы, выразившие твердое желание вступить в коалицию и заключившие между собой соответствовавшие договоры, считали, что от одной только Пруссии «зависел весь успех», считая ее нейтралитет «непозволительным и нетерпимым», поскольку отнюдь не обеспечивал участникам коалиции свободу действий. Поэтому, «дабы понудить к решительному действию Пруссию», предполагалось собрать на прусских границах армию, сделав «настояния наши важнее и убедительнее»; но вместе с тем постараться сделать так, чтобы дать ее присоединению «вид подвига вынужденного силою» (АВПРИ Оп. 468. № 2988. Т. I. Лл. 30-38 об.). Последнее предусмотрительно делалось на случай, если бы Фридриху-Вильгельму III пришлось оправдываться в своих действиях перед французской стороной. Последнее делалось с полным основанием, поскольку личные качества короля Прусского были в достаточной мере известны, да и сам император Александр I из общения и регулярной переписки с королем составил о нем, надо полагать, полное представление: неустойчивые взгляды и убеждения, подверженность к восприятию сторонних внушений, скованность в непривычном для него обществе и часто посещавшая короля ничем не объяснимая меланхолия, а отсюда поверхностное знание дел, неумение разбираться в людях и рассеянное представление о внешнеполитической ситуации (Stamm-Kuhlmann 138-141). Можно подумать, что Фридриха-Вильгельма никогда не готовили к престолу, но это далеко не так, а между тем этому человеку суждено было стоять во главе государства в эпоху наивысшей дипломатической активности, сложных межгосударственных отношений внутри Германии, в эпоху, характеризовавшуюся распространением французской гегемонии на восток и возникновением коалиций противостоявших ему держав. Поскольку же от прусских политиков незамедлительно требовалось принятие решений, которые удовлетворили бы державы, согласившиеся вступить в коалицию, то становится понятным, что Пруссия с ее нейтралитетом оказывалась в сложнейшем положении, когда дипломатические средства рисковали вскоре потерять всякое значение. Сказанное касается в первую очередь российского императора, который прилагал немало усилий в организации коалиции против Франции.

Эпоха, представляющая собой изрядный дипломатических клубок в международных отношениях, оставила по себе немало интереснейших документов, и некоторые из разысканных в архивах таковы, что привносят новую тональность в картину внешнеполитической истории. Одним из таких документов, отражающих деятельность российского МИД, является «*Projet de Manifeste contre la Prusse. 1805*» (АВПРИ Оп. 468. № 7875. 34 Лл.). Название документа значится только на обложке архивного дела. На лицевой же стороне документа, справа в верхней части первого листа имеется помета *ad. Mission du Cons. privé N. de Novassilzov*, т.е. «К миссии тайного сов[етника] Н.Новосильцева». Помета указывает на принадлежность его к одной из миссий «молодого друга» Александра I Николая Николаевича Новосильцева, который в 1804-1805 гг., неоднократно посещал европейские столицы, выполняя дипломатические поручения. Дата ниже этой пометы, – 22 8bre/3 9bre – расшифровывается как 22 октября/3 ноября 1805 г.

Дата вызывает особый интерес: так датируется и итоговый документ переговоров осенью 1805 г., а именно «Российско-прусская конвенция о совместных действиях против Франции», заключенная в Потсдаме министром иностранных дел Пруссии бароном Карлом-Августом фон Харденбергом и А. Чарторыйским (ВПр Т. II. 613-619), но содержание проекта манифеста прямо противоположно содержанию конвенции и ее секретных статей.

Ни в прошлом, когда Архив Министерства иностранных дел был доступен весьма немногим, ни позднее, документ ни разу не привлекал к себе внимания. Документ не был опубликован или упомянут во вводных статьях или в примечаниях в публикациях Ф.Ф. Мартенса, А.С. Трачевского, Н.К. Шильдера; не был аннотирован или упомянут в публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века».

Открывается документ, изложенный, естественно, по-французски, словами, предваряющими такого рода акты («Мы, Александр I и проч. и проч. и проч.»), и преамбулой с обзором внешней политики России начала XIX в.

Пагубная борьба, продолжающаяся между Англией и Францией, – говорится в преамбуле, – которая косвенным образом угнетающе действует на остальной континент; равновесие держав в Европе, с каждым днем все более нарушаемое ненасытным честолюбием французского правительства, и непрестанная опасность, угрожающая второразрядным государствам постепенным исчезновением, а некоторым более крупным державам – принуждением подчиниться силе или дожидаться прискорбных обстоятельств, коими отлична нынешняя эпоха, – все

это с давних пор сделалось предметом нашей особой заботы. (АВПРИ Оп. 468. № 7875. Л. 1)

Пометы на полях документа и в самом тексте – вставки, подчеркивания и обводы отдельных абзацев сделаны карандашом; некоторые из них обведены чернилами. Против каждой вставки в текст на полях проставлено «NB», рядом с которым чернилами значится арабская цифра. Такими цифрами секретари отмечали пометы, которые сам Александр I, работая с документами, делал по обыкновению карандашом. Этот факт, известный тем, кто изучал материалы, с которыми работал император, подтверждается пометой на левом поле одного из листов: под карандашной пометой рукою секретаря чернилами по-французски значится «Собственноручные примечания Е.И.В-ва карандашом» (АВПРИ Оп. 468. № 7875. Л. 32).

Документ весьма многословен. Это позволяет заключить, что он не предназначался для опубликования: у него более камерная роль, ибо, в противном случае, в силу сложившейся практики, он должен быть составлен как торжественный акт, которым монарх публично объявляет о своих намерениях и принятии чрезвычайных мер, т.е. в краткой, ограниченной объемом 1-3 листов, декларативной форме.

После же тщетных попыток потушить новый пожар при самом его возникновении, – продолжает свою мысль неустановленный составитель документа, – мы не перестали иметь в виду средства восстановить справедливый мир, а с ним и порядок, способный утвердить его продолжительность.

Здесь имеются в виду усилия российского правительства, направленные на осуществление посредничества (ради того, чтобы способствовать заключению мира между Францией и Турцией), встреченного с раздражением в Лондоне, но, тем не менее, включенного российским представителем А.И. Морковым в текст российско-французской конвенции (Соловьев 30), подписанной в Париже 11 октября 1801 г. Под этой общей формулировкой скрывается также деятельность российской дипломатии по упорядочению германских дел в связи с так называемыми «индемнизациями» – вознаграждением германских принцев, понесших территориальные потери в результате Люневильского мира 1801 г. между Французской республикой и Священной Римской империей германской нации.

«Принужденные прервать все наши политические отношения с кабинетом Сен-Клу, который, под предлогами столь же оскорбительными, как и ничтожными, отказался выполнить свои обязательства, принятые им

по отношению к нам...» – так тракуются в проекте манифеста причины разрыва российско-французских отношений, поводом к которому послужил захват представителя младшей ветви Бурбонов Анри-Антуана герцога Энгиенского в баденском городе Эттенхайме и его расстрел 21 марта 1804 г. по приговору военного суда, утвержденному Первым консулом. Оскорбительным же было не только это обстоятельство, но и то, что в ответе министра иностранных дел Шарля-Мориса де Талейрана на ноту российского правительства от 30 апреля (12 мая) 1804 г. (Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб. 1877. Т. 77. 593-595) содержались пассажи, которые можно было истолковать как намек на причастность императора к насильственной смерти Павла I. (Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб. 1877. Т. 77. 606-609).

Мы разделяли всеобщее негодование, вызванное многочисленными узурпациями названного правительства, – говорится далее в проекте манифеста, – которое в презрении всех прав и в нарушение всех договоров присоединяло к себе или, наоборот, по собственному произволу оставляло существовать государства, суверенитет коих оно гарантировало, и в то же время принуждало к тому других...

Далее в документе идет речь о том, что российская сторона согласилась «на настоятельные просьбы Его Британского Величества о посреднике, который, устраняя поначалу всякие дипломатические формальности и недоверие, был бы уполномочен представить главе французского правительства основы всеобщего умиротворения, одобренные Англией». При этом в манифесте этот шаг объясняется «предпочтением благоденствий мира перед всеми преимуществами славы, купленной ценою счастья народов». Там же указывалось, что «Европе известна вся обширность жертв, которые от нас потребовал и может еще потребовать этот шаг; и ей известно также, что мы не противопоставляли тому иных пределов, кроме тех, кои совместимы с нашим достоинством» (АВПРИ Оп. 468. № 7875. Л. 16). Известно, что главная роль в посреднической миссии была предназначена Н.Н. Новосильцеву, который вел в Лондоне переговоры по всему кругу европейских проблем с британским премьер-министром У. Питтом в ноябре 1804 – январе 1805 г., однако, от продолжения этой посреднической миссии в Париже российское дипломатическое ведомство отказалось, чему способствовала активная внешняя политика Франции.

Дальнейшее развитие событий в Европе, как оно изложено в документе, было таково, что

присоединение Лигурийской республики к Франции (июнь 1805 г. – С.И.) должно было повлечь за собой разрыв последней связующей нити переговоров, и именно тогда, чтобы отказаться от них, справедливо встревоженный Венский двор предложил нам, а равно и воюющим державам, свое посредничество ... и пригласил Прусский двор оказать им поддержку.

Предложение австрийского посредничества в общих чертах документально подтверждается, что нашло свое отражение в декларации русского посла в Вене князя А.К. Разумовского (ВПР Т. II. 491-494), однако российское правительство с самого начала трактовало это «приглашение» Пруссии к вступлению в коалицию весьма энергично и соответственно условиям времени, что и следует из дальнейшего изложения проекта документа. Переходя к прусской теме, составитель документа тем самым подходил к основному сюжету, о котором в этой связи далее говорится следующее:

Мы приняли эти (имперско-австрийские – С.И.) предложения с готовностью, каковую следовало ожидать, зная наши принципы и чувства; но многолетний опыт убедил нас в том, что отныне следовало бы поддерживать всякие миротворческие демарши энергичными мерами, и на сей случай мы привели в движение часть наших сухопутных и морских сил, предписав им двигаться со всевозможной поспешностью ко всем пунктам, образуя обсервационную армию (*armée de médiation*); они будут в силах придать нашим переговорам, так же как и переговорам наших друзей и союзников характер, поистине внушительный – единственно, что способно ускорить и утвердить их успех.

При этом объектом действия армий, нацеленных на «подталкивание» переговоров в нужном направлении, неизбежно становилась Пруссия, держава, которой российская сторона должна была оказывать особенное «содействие и поддержку».

Причины, побуждавшие русского императора отводить Пруссии весьма важную роль во внешней политике России в проекте манифеста изложены следующим образом:

Известные качества Его Прусского Величества, дружба, которая нас объединяет с этим государем, чистота его принципов, разумеющиеся интересы его монархии, которая могла подвергнуться опасности в недалеком будущем; наконец, чувства чести, одушевляющие прусскую нацию, – все это уже с давних пор приучило нас видеть в короле могущественного друга, который в тот момент,

когда несчастья Европы потребовали великого, общего и соединенного усилия, обнаружил бы себя в первых рядах, защищая дело, общее для всех народов.

Но к этим причинам необходимо присоединить еще, по меньшей мере, две важнейшие причины, а именно: так сказать, причину геополитического порядка, т. е. положение Пруссии в Европе относительно России и Франции и влияние Пруссии в среде родственных Российскому Императорскому дому владетельных государей Священной Римской империи германской нации. «Независимо от союза (имеется в виду «союзный трактат» от 16 (28) июня 1800 г. – С.И.), существующего между двумя народами (Мартенс 250-283), – говорится в проекте манифеста, – Его Прус. В-во вступили с нами в обязательства, клонящиеся к тому, чтобы отразить наступление французских войск в пределы Ганновера на севере Германии (имеется в виду декларация прусского правительства от 17 (24) мая 1804 г. о совместных действиях Пруссии и России – С.И.). Обязательства по этой декларации (ВПР Т. II. 30-33, 61-64), «продиктованные общей заботой, были для нас весьма успокоительным залогом истинных намерений короля, их существенного соответствия нашим намерениям и образа действий».

Далее рукою Александра I начертано «NB»:

Мне кажется, что здесь мы не вправе ничего менять. Соглашение от 24 мая 1804 г., на которое делается намек в этом пассаже, всегда рассматривалось Россией как исключительно оборонительное по отношению к Франции, и Петербургский кабинет никогда не соглашался признать расширительное толкование, которое Берлинский кабинет пытался с тех пор придать сему соглашению. (АВПРИ Оп. 468. № 7875. Л. 17)

Указание на так называемое «расширительное толкование» мы находим и в депеше генерал-адъютанта барона Фердинанда Федоровича фон Винцингероде, посланного в Берлин и Вену вести переговоров о создании антифранцузской коалиции:

Берлинский кабинет считает, что конвенция от 24 мая 1804 г. (обе стороны называли декларации о совместных действиях конвенциями – С.И.) препятствует принятию Россией когда-либо в будущем против Франции мер, которые могли бы распространить войну на Север Германии, и утверждает, что Россия сама установила для себя это условие, стесняющее ее свободу, своим соглашением с Пруссией;

канцлер фон Харденберг настаивал на том, чтобы распространить сферу действия конвенции от 24 мая 1804 г. на Мекленбург, Верхнюю и Нижнюю Саксонию и земли, находящиеся «по эту» сторону рек Везера и Эльбы (ВПр Т. II. 347-349; См. Thielen 361-365). Вероятно, Александр I осторожно относился к такому толкованию соглашения, т.к. усматривал в этом популяризации Пруссии к созданию пропрусской ассоциации германских государств, что нарушило бы баланс сил в Германии, достигнутый в результате совместно с Францией проведенных «индемнизаций» в Германии (Kittstein 572-573). Это тем более важно, что могло затронуть и в перспективе затрагивало государства западной и южной Германии, ряд которых состояли в династических отношениях с Российской империей. Характерно при этом, что прусский проект Северогерманского союза под эгидой Пруссии (Ufinger 64-66)¹, так и остался неосуществленным, встретив отрицательную реакцию как внутри Германии, так и в Петербурге.

По мере того как события принимали все более тревожный оборот, – говорится далее в проекте документа, – конфиденциальные сношения, которые были у нас непосредственно с Его Прус. В-вом, став постепенно еще более близкими, получили дальнейшее свое развитие таким образом, что это убедило нас в справедливости нашей доверенности.

Этот абзац обведен карандашом, а на полях слева дана другая редакция: «Это счастливое согласие истинных чувств короля с нашими, вполне проявилось в конфиденциальных отношениях, которые имели мы с Его Прус. В-вом, ставшие со временем еще более близкими». Это «счастливое согласие» в полной мере подтверждается перепиской, существовавшей между Александром I и Фридрихом-Вильгельмом III, которая была особенно частой тогда и приобрела характер дружественный, как говорили в то время, «интимный», характер, в котором династические родственники императора впоследствии усматривали привязанность к Пруссии и Гогенцоллернам (Николай Михайлович 51-52).

...Искренние наши дружественные чувства к королю побудили нас оценить проходящие обстоятельства, которые, подавляя его мужество, заставляли принуждать себя действовать крайне осмотрительно, что, по крайней мере, до времени, имея в виду общие интересы, можно извинить.

¹ См. последнее изд. там же 2018.

Но далее в проекте манифеста берут верх критические оценки, тон становится более суровым без каких бы то ни было скидок на обстоятельства.

Какими точно очерченными ни должны были быть границы этой осмотрительности, в особенности по отношению к правительству, находящему удовольствию смешивать уступчивость со страхом и без малейшего труда поставляющему себе в заслугу изъявление покорности, с прискорбием видим мы, что Тюильрийский кабинет не прекращает и далее поощрять политику уступчивости, поддерживая дружественные отношения с Пруссией, что король, наш союзник, усвоил привычку к покорности и неприметным образом ступевался перед могущественным влиянием французского министерства. С негодованием слушали мы, как Тюильрийский кабинет расточает хвалы услужливости Пруссии; как превозносит он дружбу с Его Прус. В-вом и свидетельствует ему коварные знаки внимания, клонящиеся к тому только, чтобы лишить сей двор последнего уважения и ввергнуть его в презрение. (АВПРИ Оп. 468. № 7875. Лл. 17-18)

Несмотря ни на что Пруссия упорно придерживалась прежней своей политики как по отношению к России, так и в отношении Франции. Тщетно в Петербурге рассчитывали, что эттенхаймское событие заставит Пруссию отказаться от политики нейтралитета. В ответ на письмо об этом Александра I король писал, что «заботы и чувства императора достойны его характера и влекут за собой живейшую признательность», но политика Пруссии имеет в виду великую цель – сохранение спокойствия в Центральной Европе, а Наполеона нельзя принудить дать полное удовлетворение иначе как с оружием в руках. Александр I в собственноручном письме ответил на это: «Признаюсь, весьма прискорбно было бы для меня, если бы В. В-во так и не приняло деятельного участия в восстановлении политического равновесия в Европе» (*Correspondence inédite du Roi Frédéric-Guillaume III et de la Reine Louise avec l'Empereur Alexandre* 51). Но Фридрих-Вильгельм в своем упорном нежелании оказаться принужденным принять участие в коалиции не хотел признать, что уступка Наполеону точно так же, если не быстрее, приведет к войне, как и раз принятое решение отказаться от политики нейтралитета.

В то же время это убеждение прусского короля в необходимости и далее следовать избранной «системе» еще более окрепло, когда, выступив в деле британского представителя при Нижнесаксонском округе Джорджа Рамболда, подвергнувшегося аресту в Гамбурге, прусская сторона добилась его освобождения. Рамболд был связан с английскими дипломатами в Штутгарте и Мюнхене, помимо которых – с французскими роялистами, и это было

доказано в октябре 1804 г. в результате действий полицейских агентов Ж. Фуше, обнаруживших при этом прямые улики. Но прусская сторона, используя известное влияние Берлинского двора в вышеупомянутом округе, потребовала от Франции освободить дипломата, и тот без особых промедлений был освобожден (Sorel 393-394). Первый консул Бонапарт, зная о стремлении России и Англии создать коалицию, проводил политику, направленную на подрыв усилий держав в этом направлении; для достижения этой цели ему нужно было сохранить франко-прусские отношения на достигнутом уровне, и он посчитал, что дело Рамболда в сравнении с прусским нейтралитетом не стоит того, чтобы придавать ему особое значение. Расчет был верен, и прусские политики усмотрели в освобождении англичанина подтверждение необходимости неукоснительного соблюдения прусского нейтралитета.

Но Наполеон стремился к тому, чтобы «помочь» Пруссии и далее проводить свою политику нейтралитета. С этой целью французская сторона неоднократно предлагала Пруссии различные проекты, главным образом территориального характера, например, связанного с присоединением к Пруссии курфюршества Ганноверского, владения Великобритании. Расчет опять-таки был верен, ибо присоединение Ганновера поссорило бы обе державы, и Англия отказалась бы финансировать антифранцузскую коалицию. При этом Россия и Священная Римская империя, вполне возможно, и не начали бы войны в 1805 г., если бы таким образом Пруссия фактически выступила союзницей Франции. Тогда же Наполеоном были предприняты и иные меры поддержки Пруссии.

«Мы не раз с негодованием слышали, – говорится на этот счет в проекте манифеста, – как глава французского правительства в своих воззваниях и речах отдавал должное тому, что называл он прусским veto в Европе». Речь идет о мерах дипломатического характера, которыми Берлинский кабинет блокировал усилия держав, направленные на вовлечение Пруссии в коалицию, отказываясь от переговоров и от рассмотрения проектов объединения усилий в противостоянии европейских держав Франции, так сказать, накладывая на их усилия свое veto.

Это слово означало прискорбное право предупреждать всякое согласие, всякое единение держав, препятствовать всем их мерам, ослаблять их усилия, пока они противостояли проектам Наполеона (Вся Европа во весь голос разоблачила сие veto как охранную грамоту подстрекательства, насилий, захватов Франции; вся Европа обвиняла это veto в узурпациях, которые с таковой же

быстротой, как и с наглостью день ото дня изменяло политическую картину континента.

Но помимо прусского нейтралитета, в проекте манифеста речь идет и о событиях, связанных с неприятным объяснением между Петербургским и Берлинским дворами по поводу Швеции, и с оценкой этих событий.

Дело в том, что по договору с Великобританией шведский король Густав IV Адольф обязался выставить 25 тысяч солдат для участия в войне против Франции. Однако в Берлине были озабочены сохранением нейтралитета, что было затруднительно в случае перенесения войны в северную Германию, а том числе и в Шведскую Померанию. Поэтому шведский король был поставлен в известность, что Пруссия ради поддержания нейтралитета северной Германии считала необходимым занять Померанию своими силами. Это встретило нежелательную реакцию не только в Берлине, но и в российской столице: Александр I заявил о том, что выполнит свой союзнический долг и придет к Швеции на помощь, если Пруссия введет свои войска в шведские владения на Балтийском побережье (ВПР Т. II. 167-169).

В изложении проекта манифеста шведский нюанс российско-пруссских отношений того времени выглядит следующим образом:

Берлинский кабинет, забыв, что цель и дух обязательств, которые связывали Пруссию с нами, касаются только новых посягательств Франции на севере Германии, объявил себя единственным хранителем спокойствия этой части германской империи. Он предложил Его Шведскому Величеству свернуть свои вооружения в Померании и дошел до того, что стал угрожать занятием этой провинции на том основании, что следовало лишить французов всякого предлога вторгнуться в нее. Этот шаг был столь же безосновательным, как и неуместным. Он дал бы нам понятие о размерах чуждого (т.е. французского – С.И.) влияния, которое оказывало воздействие на прусский двор, если бы у нас не было еще более решительных тому доказательств.

Отметим, что эти и последующие абзацы, касающиеся этого важного в дипломатическом и военном отношении эпизода, обведены карандашом, что, вероятно, следует понимать как несогласие императора с авторскими формулировками документа; тем не менее, эта часть проекта оставлена без каких-либо изменений и не сопровождается пометами и ремарками Александра I. Может быть, сомнение императора вызывало то обстоятельство, что далее, без существенно перехода, в документе говорится о начале

военной демонстрации в рамках ранее принятых решений о коалиционных действиях держав:

Выдвинув свои войска, наметив направление движения, которое они должны были принять, мы принимали в особое соображение гибельное положение Его Прусского Величества и готовились присоединить значительнейшую часть наших войск к его войскам, двинув их вперед, чтобы разделить его опасности и поставить его в такое положение, чтобы во время переговоров он мог свободно объявить Франции о своем желании принять образ действий, достойный его державы.

В то же время, – говорится далее в документе, – Мы озаботились направить достаточный численностью корпус в Шведскую Померанию, чтобы прикрыть эту провинцию, избавив тем самым Пруссию от всякого беспокойства, которое побудило бы ее разделить свои силы, от коих характер событий мог потребовать наисосредоточенного действия. (АВПРИ Оп. 468. № 7875. Л. 20)

Положение Пруссии в это время и в самом деле могло стать для нее воистину критическим, в связи с чем 19 августа 1805 г. Александр I писал королю: «Опасность достигла высшей степени, и В. В-во соблаговолили заранее уверить меня в вашем содействии при таковых обстоятельствах, так что в настоящее время я уже без колебания прошу вас о нем» (*Correspondence inédite du Roi Frédéric-Guillaume III et de la Reine Louise avec l'Empereur Alexandre* 68). Но если бы Пруссия стала уклоняться от своих обязательств, на этот случай Александром I было предусмотрено введение в действие плана особых мер. В тот день, когда Александр I обратился к королю с вышеприведенным письмом, чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Берлине Максиму Максимовичу Алопеусу была направлена записка «о мерах по привлечению Пруссии к коалиции против Наполеона», где говорилось, что «армия, сконцентрированная в Бродах, должна вступить в пределы австрийских владений 10 (22) августа», и, исходя из этого, «следует рассчитывать военные и дипломатические меры, направленные на то, чтобы убедить или принудить Пруссию действовать совместно с Россией и Австрией». Тогда же «г-ну Алопеусу следует использовать все возможные средства, дабы склонить Пруссию к видам России; при этом ему должно быть ясно, что если Австрия займет позицию, соответствующую желаниям России, то у Пруссии больше не будет никаких оправданий для отказа поступить так же». Более того, Алопеус должен был отказываться принимать от прусских официальных лиц документы, содержание которых «не соответствовало бы интересам России».

Одновременно предполагалось, что в прусской столице начнутся российско-прусские переговоры на самом высоком уровне и что они продлились бы с 16 (28) августа до 4 (16) сентября.

К этому времени, – говорилось далее в записке, – будет сконцентрирована вся Литовская армия (т.е. российская армия, названная по месту формирования – С.И.), численностью в 100 тыс. человек, из которых 40 тыс. должны будут пройти через прусские владения, направляясь к границам Ганновера, а 60 тыс. предназначаются для оказания им поддержки в случае, если Пруссия станет препятствовать осуществлению этой меры. (ВПР Т. II. 512-518)

Между тем, планы участия Пруссии в коалиции, основывались на договорных обязательствах, принятых в мае 1804 г., в которых предусматривались различные варианты *casus foederis* (лат., дипломатический термин, означающий исполнение союзнических обязательств государства о начале военных действий при наступлении условий, соответствующих условиям союзного договора – С.И.); но в то же время и на более или менее твердом убеждении Александра I и его окружения (исключая А. Чарторыйского) в вероятности выступления Пруссии на стороне Австрии и России, вытекавшем из оценки состояния российско-прусских отношений. Этому способствовало также убеждение в правомерности и справедливости намерений деятелей коалиции; поэтому впоследствии А.Чарторыйский и писал в своих воспоминаниях: «В случае, если бы Пруссия не согласилась присоединиться к коалиции, мы должны были, не останавливаясь, идти далее и обойтись без ее согласия» (Мемуары князя Адама Чарторижского Т. I. 354).

Вступление российских войск в австрийские владения Священной Римской империи не встретило никаких препятствий на своем пути, и это действительно так. Между тем, на фоне полного согласия, которое царило в российско-австрийских союзных отношениях, поведение Берлинского кабинета рассматривалось в проекте манифеста как «столь же неожиданное, как и непостижимое». В документе упоминается и о том, что в письмах к Фридриху-Вильгельму III, «мы объявили ему о нашей решимости и наших намерениях; мы раскрыли перед ним настоятельную необходимость, которой продиктованы были принятые нами меры; в особенности мы дали ему понять, до какой степени при выборе средств и удобного момента, требуемого для прохода наших войск (через прусскую территорию – С.И.) мы помышляли о том, чтобы бережно обходиться» с Пруссией.

Однако для прусских сторонников нейтралитета этого было недостаточным, т.к. они принимали во внимание быстроту развития событий и то,

что в Петербурге, при всем дружественном отношении к Пруссии, не желали менять свои планы, тем более что война к тому времени уже практически началась, если иметь в виду концентрацию и развертывание сил обеих армий, и, казалось бы, в любом случае Пруссия должна была быть вовлечена в военные действия.

Что касается прохода войск, – говорится далее в документе, – как и известного их назначения, всеобщего права наций, закона добрососедства, договора о союзе, частных обязательств, права на взаимопомощь, как и интересы общего дела, которые необходимо было примирить с интересами самой Пруссии, то Берлинский кабинет после нескольких уклончивых и медлительных ответов формально нам отказал. (АВПРИ Оп. 468. № 7875. Л. 21)

Известно, что с просьбой к Фридриху-Вильгельму III о пропуске войск обращалась также и французская сторона. В первых числах сентября посланец Наполеона генерал Ж.-К. Дюрок был принят министром иностранных дел фон Харденбергом, а затем и королем, но просьба была отклонена.

Этот проект, – заявил король, – абсолютно недопустимым, потому что в результате я оказался бы прикованным, связанный по рукам и ногам, к интересам Франции и вовлечен в наступательную войну, неисчислимую по своим последствиям... (Ranke 516)

В разговоре с Алопеусом фон Харденберг сказал, что «король никогда не примет сторону Франции, если только его не вынудят изменить собственным принципам. Кто попытается оказать на него давление, от того он, конечно, перейдет на сторону его противника» (Ranke 215). Однако этот шаг короля реально мог встретить трудности, т.к. проход русских и французских войск через Пруссию мог начаться почти одновременно: в сентябре император французов предполагал осуществить проход своей армии через владения прусского союзника курфюрста Вильгельма Гессен-Кассельского, и в сентябре же заканчивался срок, отмеренный инструкциями Алопеусу, по истечении которого должно было начаться вторжение российской армии одновременно в Померанию и в Пруссию. Наполеон мог этого и не знать, но он догадывался, что прусские политики, включая, разумеется, и Харденберга, в попытках сохранить нейтралитет предпринимают усилия выдать желаемое за действительное, не сказав ни да, ни нет (Thielen 241-249). То же предпринималось прусскими дипломатами

в ответ на российские демарши будь то стороны российского посла М.М.Алопеуса или тех, кто посылался в Берлин со специальными миссиями из Петербурга.

Он (Берлинский кабинет – С.И.), – говорится далее в проекте манифеста, – что еще хуже, чем обвинить нас в насилии, силится представить наш демарш как оскорбительный, покушающийся на права его независимости и под этим предлогом привести со всех сторон в движение армии, чтобы воспротивиться проходу наших войск, рассматривая их, следовательно, как неприятельские. (АВПРИ Оп. 468. № 7875. Л. 28)

После этих слов в тексте документа следует абзац, обведенный карандашом и снабженный чернилами «NB» слева на поле:

Но требовать прохода — это означало с нашей стороны заявить о признании суверенитета Пруссии. Мы требовали этого прохода через Пруссию как друг и союзник; мы потребовали этого не для того, чтобы продолжать войну, не для того, чтобы разжечь новую, но с тем, чтобы тем самым поддержать вместе с самой Пруссией переговоры, которые должны ее завершить.

Таким образом, Александр I предполагал, если иметь в виду не только вероятность франко-пруссского конфликта, но коалиционную войну в целом, что на переговорах с Францией союзники, точнее Россия и Пруссия, несмотря на все «извороты» прусских политиков, выступят единым фронтом (Шильдер 148).

В добавление к объяснениям причин требований российской стороны, обращенных к Пруссии, «проект манифеста» высказывается следующим образом:

Мы требовали прохода у той самой Пруссии, которая незадолго перед тем, для того только, чтобы предупредить новые бедствия на севере Германии, почитала себя вправе занять Шведскую Померанию, и мы должны были допустить, что с тем большим основанием она согласилась бы с вполне естественным требованием прохода, которое мы заявили с целью приблизить конец продолжительным бедствиям Европы.

Вслед за этим в проекте манифеста следуют весьма и весьма суровые оценки избранной Пруссией политики нейтралитета, которая, по мнению прусских политиков, в первую очередь фон Хаугвитца, являлась

альтернативой неизбежному присоединению к одной из противоборствующих сторон, к Франции или к Австрии вместе с Россией:

Тщетно Берлинский кабинет вступает за право строгого нейтралитета. Весь континент, в свою очередь, вся вселенная вступает, и потомство будет вступаться вместе с нами за священные права народов и таковые же права человечества.

И далее:

Отнюдь не нейтралитет между незаинтересованными державами объединяет ради умиротворения земли – честолюбивое правительство непрестанно потрясает его, чтобы вывести из равновесия. Отказаться высказаться в подобном случае означало бы отступить от общего дела человечества, уединиться от всего европейского общества и поддерживать политическим эгоизмом холодное безразличие к общественному благу. Нет нейтралитета там, где самое бездействие непременно становится враждебным с одной стороны и покровительствующим – с другой. Если бы нужно было, завоевав, обеспечить мир, разве оставалась бы нейтральной та держава, которая для того, чтобы оставаться ею, начала бы с того, что стала бы противиться мерам, наиболее способным обеспечить нам это завоевание мира?

Впрочем, сложность ситуации заключается еще и в том, что прусский нейтралитет – это, в данном случае, форма отказа от сотрудничества с тогда еще Священной Римской империей германской нации (Австрией), следствие так называемого австро-прусского дуализма применительно к Пруссии. Это явление возникло со времени возвышения Пруссии и возрастания ее военного могущества, особенно в эпоху Фридриха Великого, а затем уже ставшее частью и прусской, и австрийской внешней политики внутри тогдашней Германии. В данном же случае имеется в виду отказ от сотрудничества в коалиции, членом которой является Австрия (Aretin 558). Это вполне объясняет то обстоятельство, что в 1806 г. Австрия не поддержала Пруссию, что имело место и в 1807 г., и отчасти перед франко-австро-российской войной 1809 г.; хотя в последнем случае в дело вмешался Александр I и решительно отсоветовал пруссакам принимать участие в войне на стороне Австрии, и прусский король не заставил себя уговаривать.

Отношение к нейтралитету Пруссии, высказываемое в проекте манифеста, воочию обнаруживает резкое раздражение, которое вызывал он в российских

правительственных кругах, ибо входил в противоречие с интересами коалиции, открывшей военные действия против Франции.

Так называемый нейтралитет Пруссии, еще более вызывающий беспокойство, если не сказать ненависть, неизбежно посеял бы рознь и ослабил бы совокупную деятельность благонамеренных держав, – говорится далее в проекте манифеста, – и как только речь зашла бы о том, чтобы заключить мир силою оружия, этот самый нейтралитет оказался бы слишком подозрительным для того, чтобы и менее рассудительное благоразумие могло бы посоветовать его придерживаться. Само французское правительство отказалось бы относиться к нему терпимо, если бы под личиною беспристрастия оно не усматривало бы полезные для себя дружественные отношения; если бы оно не признавало бы veto, столь драгоценное для него; если бы не установило оно новую линию границ (еще более гибельную, нежели нынешняя, по известной причине – в тексте обведено карандашом – С.И.), которой министерство Наполеона будет рукоплескать, как (на поле слева – «глашатаи Революции» – С.И.) памфлетисты революции аплодировали во время поражения коалиции.

В заключение проекта манифеста, последовательное изложение имевших место событий, предшествовавших коалиционной войне 1805 г., логически приводит к выводу о необходимости открытия военных действий против Пруссии, каким бы противоестественным это решение ни казалось, если иметь в виду дружественный характер российско-пруссских отношений.

В этом досадном событии, в котором мы никоим образом уже не встретим тех принципов и чувств, что еще недавно руководили Пруссией, мы можем видеть только чуждую побудительную силу или подлость сторонних интриг – пишет далее неустановленный автор проекта. – Мы сокрушаемся по этому поводу, тем более что все наши меры, все движения наших войск, рассчитанные на надежное содействие этой союзной державы, как только трудности, которые она поначалу дала нам предвидеть, исчезли бы, напрасны, и мы стоим перед печальной необходимостью следовать нашему плану, в коем равным образом заинтересованы столь многие державы, – идти к нашей цели и рассматривать всякое противодействие как акт враждебности и формальное объявление войны против нас и наших союзников.

Но, в надежде на то, что в Пруссии все-таки возымеет здравый смысл,

Мы не перестаем протягивать Его Прусскому Величеству дружескую и братскую руку, предлагая ему искренне вернуться к прежним нашим отношениям, кои никогда и ничто не должно изменить до тех пор, пока король, отдавшись

вполне собственным своим чувствам, не присоединится к великому союзу, несущему всеобщее замирение, и не покажет опечаленной Европе, что если любовь его народа требовала в течение некоторого времени сдержанности, пагубной для его благоразумия, то та же любовь, коль скоро представится случай, потребует от него мужества привести в движение всю Прусскую державу и явить пред всем миром имя пруссака в одном ряду с другими воюющими народами, как-вые возвратят покой земле.

Итак, вопреки известным документальным источникам, проект манифеста недвусмысленно указывает на то, что в 1805 г. российская сторона в стремлении добиться свободного сквозного прохода через прусскую территорию не останавливалась перед объявлением состояния войны между Россией и Пруссией. Такой поворот событий был предусмотрен, и оставалось лишь ожидать его, точнее – того, что Пруссия и далее будет твердо стоять за сохранение своего нейтралитета. Но российские войска так и не получили приказа о том, какого поведения им надлежит держаться на прусской территории; они были задержаны на границе впредь до личного свидания Александра I и Фридриха-Вильгельма III (*Correspondence inédite du Roi Frédéric-Guillaume III et de la Reine Louise avec l'Empereur Alexandre 78-79*).

Как известно, коалиционная война 1805 г. началась с вторжения войск Священной Римской империи на территорию Баварии. В ответ на этот акт агрессии в отношении союзницы Франции Наполеон принимает решение отложить высадку на Британские острова, и в конце сентября 1805 г. французские войска, союзные Вюртембергу и Баварии, во главе с императором французов уже находились в пределах Швабии и Франконии. Несмотря на то, что государства большей части Германии (Баден, Вюртемберг, Гессен-Дармштадт, Бавария и др.) уже были союзниками Франции, Пруссия отклонила предложение Наполеона о союзе и отложила решение вопроса о Ганновере, который Наполеон неоднократно предлагал Пруссии, до свидания с российским императором. Однако к этому присоединилось обстоятельство иного свойства, а именно нарушение французами прусского нейтралитета – в Аншпахе и Байройте, которое было предпринято Наполеоном не в целях спровоцировать развитие событий, а ради скорейшего и «удобного» в стратегическом отношении военного соприкосновения с австрийскими армиями. Это было использовано Александром I для привлечения Пруссии к коалиции поначалу на правах вооруженного посредника, а в случае непринятия Францией условий всеобщего мира – союзника.

К проекту манифеста приложена его копия, на которой значится дата «сентябрь 1805 г.», что уточняет дату окончательной редакции документа.

О помете насчет миссии Новосильцева добавим, что в первых числах сентября 1805 г. «молодой друг» императора находился в Берлине, где вел переговоры с Харденбергом и королем, но тогда вопрос о проходе российской армии через прусскую территорию еще не стоял. Но в связи с ситуацией в российско-пруссских отношениях Александр I планировал еще одну миссию Новосильцева в Берлин, в ходе которой пруссаков собирались ознакомить с текстом манифеста. Свидание Александра I с Фридрихом-Вильгельмом III в Берлине восстановило дружественный характер отношений, но, как показали дальнейшие события, лишь отчасти. Посещение гарнизонной церкви в Потсдаме, соединение рук короля, королевы Луизы и Александра I у надгробия Фридриха Великого и клятва в вечной дружбе – все это с прусской стороны было, скорее всего, лишь церемонным жестом.

Дата, стоящая на окончательном варианте проекта манифеста, представляется красноречивым свидетельством того, насколько крайне напряженными были переговоры, приведшие к российско-прусской конвенции о совместных действиях против Франции от 3 ноября 1805 г. Заключение конвенции можно было бы приписать к успехам российской дипломатии, но если бы не присутствие императора в Берлине, неизвестно как сложились бы в данном случае дальнейшие обстоятельства, особенно, если бы составленный манифест мог быть вручен непосредственно королю.

В отчете по МИД за 1805 г. товарищ министра писал, что после заключения русско-прусского соглашения прусские войска, приведенные в боевую готовность, выступили в направлении австрийских границ. Уверенный в конечном успехе Александр I предложил королю помощь всей российской армии, воспользовавшись которой он мог противостоять французскому натиску. Но время было безнадежно упущено. Пруссия так и не вступила в коалиционную войну, а прусским дипломатам пришлось срочно менять тон и акценты прусской политики по отношению к Франции (АВПРИ Оп. 468. № 2988. Т. I. Лл. 68-68 об.).

Впоследствии товарищ министра иностранных дел России в одной из своих многочисленных в ту пору записок императору, помеченной 5 апреля 1806 г., возвращаясь к событиям осени 1805 г., писал: «Давно уже должны были [мы] убедиться в двуличии Берлинского кабинета и намеренно повести дело так, чтобы иметь предлог объявить Пруссии войну» (Мемуары князя Адама Чарторижского Т. I. 131). В этом отношении польский князь был последователен, и его настроенность в отношении Пруссии как к участнице польских разделов вполне понятна. Чарторыйский

же, давно вынашивавший планы объединения всех польских земель под российским скипетром, не сумел переубедить в его неправоте, и, не желая связывать свое имя с чуждой ему политикой, в конце концов, принял решение уйти в отставку (Morley 405-426; Nieuwazny 602). Это произошло после того, как Александр I, взвесив все «за» и «против», счел за благо отказаться от вооруженных действий, к которым собирался приступить с целью вовлечения Пруссии в коалицию. К тому времени готовящаяся война против Франции уже приняла необратимый характер, и российский император вступил в войну, поддержав вторгнувшиеся в Баварию австрийские войска, но поражение коалиционной армии при Аустерлице привело к тому, что дальнейшее продолжение войны без участия прусского союзника потеряло в его глазах всякий смысл. Это явилось одной из причин того, что Александр I не последовал примеру своего союзника императора Франца II и, покинув армию, не стал завязывать переговоры о перемирии и мире с Наполеоном.

С тех пор проект манифеста как один из проектов дипломатического оформления коалиции был отправлен в архив, и более о нем не вспоминали, но он остался весьма красноречивым памятником того, как далеко не просто могла развиваться и на деле развивалась ситуация в военно-дипломатических отношениях между союзными державами при том, что, казалось бы, общая цель не оставляла им возможности согласовать частные интересы каждой из них.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- АВПРИ – Arkhiv vneshnejj politiki Rossijskojj imperii. F. Kanceljarija. 1805 Op. 468. № 2988. Т. I. Лл. 25-25 об [Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1805 Оп. 468. № 2988. Т. I. Лл. 25-25 об].
- ВПР – Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX veka: Dokumenty Rossijskogo Ministerstva inostrannykh del. Serija 1-ja (1801-1815). Red. Aleksiej L. Narochnickij. M., Т. II, 1961 [Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия 1-я (1801-1815). Ред. Алексѐй Л. Нарочницкий. М., Т. II, 1961].
- Мемуары князя Адама Чарторижского – Czartoryski Adam. *Memuary knjazja Adama Chartorziskogo i ego perepiska s imperatorom Aleksandrom I*, per. s fr. A. Dmitrievoj, red. i vstup. statja A. A. Kizevettera, M., Т. I, К.Ф. Некрасов, 1912 [Чарторыйский Адам. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I, пер. с фр. А. Дмитриевой, ред. и vstup. статья А. А. Кизеветтера, М., Т. I, К.Ф. Некрасов, 1912].

- Correspondence inédite du Roi Frédéric-Guillaume III et de la Reine Louise avec l'Empereur Alexandre. D'après les originaux des Archives de Berlin et de Saint-Petersbourg.* Publiée par P. Bailieu. Leipzig, Paris, 1900.
- Martens Fryderyk F. *Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennykh Rossiej s inostrannymi derzhavami.* SPb. 1883. T. VI, ss. 250-283 [Мартенс Фридрих Ф. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами.* СПб., 1883. Т. VI, сс. 250-283].
- Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807: diplomatische Correspondenz.* Hrsg. von P. Bailieu. Leipzig, 1887, Bd. 29, ss. 328-329.
- Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva,* SPb. 1877. T. 77 [Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1877. Т. 77].

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Aretin, Karl Otmar von. *Das alte Reich 1648-1806. Bd. 3 Das Reich und der österreichisch-preußische Dualismus (1745-1806).* Clett-Kotta, 1997.
- Georgiev, Vladimir A. „Izuchenie vneshnej politiki Rossii v period razlozhenija i krizisa feodal'no-krepostnicheskoi sistemy”. *Itogi i zadachi izuchenie vneshnej politiki Rossii. Sovetskaja istoriografija*, red. Aleksiej L. Narochnickogo, Nauka, 1981, ss. 188-246 [Георгиев, Владимир А. «Изучение внешней политики России в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы». *Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография*, ред. Алексеев Л. Нарочницкого, Наука, 1981, сс. 188-246].
- Iskjul, Sergey N. „Aleksandr I i Fridrih-Vil'gel'm III: svidanie v Memele (ijun' 1802 g.)”. *Novyj chasovoj*, no 41, 1996, ss. 13-18 [Искюль Сергей Н. «Александр I и Фридрих-Вильгельм III: свидание в Мемеле (июнь 1802 г.)». *Новый часовой*, № 4, 1996, сс. 13-18].
- Kittstein, Lothar. *Politik im Zeitalter der Revolution: Untersuchungen zur preußischen Staatlichkeit 1792-1807.* Steiner, 2003.
- Mihailovich, Nikolai vel. kn. *Imperator Aleksandr I: Opyt istoricheskogo issledovanija.* SPb., Jeksped. zagotov. gos. bumag, T. I, 1914. [Николай Михайлович, вел. кн. *Император Александр I: Опыт исторического исследования.* СПб., Эксп. заготовл. гос. бумаг, Т. I, 1914].
- Morley, Charles. „Alexander I and Czartoryski. The Polish Question from 1801 to 1813”. *The Slavonic and East European Review*, vol. 25, no 65, 1947, pp. 405-426.
- Nieuwazny, Andrzej. *Czartoryski (Adam Jerzy): Dictionnaire Napoléon. Sous la direction de J. Tulard de l'Institut. Nouvelle édition, revue et augmentée.* Fayard, 1999, pp. 602-603.
- Ranke, Leopold, von. *Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg bis zum Jahre 1806.* Bd. I, Leipzig: M. Duncker, 1877.
- Shilder, Nikolai K. *Imperator Aleksandr Pervyj. Ego zhizn' i carstvovanie.* SPb., Izd-vo Aleksej S. Suvorina. T. II, 1904 [Шильдер, Николай К. *Император Александр Первый. Его жизнь и царствование.* СПб., Изд-во Алексей С. Суворина. Т. II, 1904].
- Simms, Brendan. *The Impact of Napoleon. Prussian High Politics, foreign Policy and the Crisis of the Executive, 1797-1806.* Cambridge, 2002.
- Solov'ev, Siergiej M. *Imperator Aleksandr Pervyj. Politika – diplomatija.* SPb., Tip. Mikhail Stasjulevicha, 1877 [Соловьев, Сергей М. *Император Александр Первый. Политика – дипломатия.* СПб: Тип. Михаил Стасюлевича, 1877].
- Sorel, Albert. *L'Europe et la Révolution Française.* Plon, 1903.

Stamm-Kuhlmann, Thomas. *König in Preußens großer Zeit. Friedrich Wilhelm III, der Melancholiker auf dem Thron*. Siedler, 1992.

Thielen, Gerrit Peter. *Karl August von Hardenberg*. Grote, 1967.

Ufinger, Rudolf. *Napoleon, der Rheinische und nordische Bund*. Berlin: G. Reimer, 1865.

К ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ОДНОЙ КОАЛИЦИОННОЙ ВОЙНЫ НАЧАЛА XIX В.

Резюме

В статье раскрывается один из сложных внешнеполитических и дипломатических эпизодов в преддверии коалиционной войны 1805 г., указывающий на стремление Александра I вовлечь в очередную коалицию против Франции Пруссию, без участия которой ни российский император, ни его союзники не могли надеяться на успех. В исторических исследованиях констатируется, что упорное желание прусского короля, союзника российского императора со времени свидания двух монархов в 1802 г. в Мемеле, сохранить нейтралитет Пруссии, в конце концов, было преодолено подтверждением русско-прусских союзных отношений во время визита Александра I в Берлин в 1805 г. Вместе с тем остается неизвестным, что император считал возможным преодоление прусского нейтралитета, не останавливаясь перед применением силы. С этой целью предполагалось, что российская армия, не считаясь с суверенитетом Пруссии, в определенный момент перейдет границы королевства. Более того, в случае прусского сопротивления, армия вторжения должна была обращаться с Пруссией как с враждебной страной. Анализ обнаруженных в Архиве внешней политики Российской империи документов позволяет сделать вывод о том, что тогдашняя дипломатическая ситуация была на грани разрыва между союзниками. В случае такого развития событий, вместо коалиционной войны против Франции могло иметь место вооруженное противоборство двух ее ключевых союзников – такова внешнеполитическая реальность ситуации 1805 г. Она, эта ситуация, в конечном итоге привела к тому, что Пруссия, несмотря на подписание королем союзной конвенции с Александром I и даже несмотря на то, что прусские войска уже выдвигались на театр будущих военных действий, должна была сепаратно пойти на соглашение с Францией. В результате Пруссия так и не приняла участия в войне, а коалиция потерпела катастрофическое поражение при Аустерлице.

Ключевые слова: Дипломатия и внешняя политика; Адам Чарторыйский; коалиции против Франции; Александр I; Фридрих-Вильгельм III; Пруссия.

O SYTUACJI WOJSKOWO-DYPLMATYCZNEJ JEDNEJ WOJNY KOALICYJNEJ NA POCZĄTKU XIX WIEKU

Streszczenie

W artykule omówiono jeden z trudnych epizodów zagranicznych i dyplomatycznych w przededniu wojny koalicyjnej z 1805 r., w tym zamiar Aleksandra I wciągnięcia Prus do koalicji antyfrancuskiej, bez której alianci nie mogliby liczyć na sukces. W literaturze historycznej stwierdza się, że uporczywe dążenie króla pruskiego do utrzymania polityki neutralności Prus zostało ostatecznie przezwyciężone przez potwierdzenie sojuszu Rosji z Prusami podczas wizyty cara rosyjskiego w Berlinie. Nie wiadomo jednak, czy car uznawał za możliwe przezwycięzenie pruskiej neutralności

siłą. Ponadto zakłada się, że dla realizacji tego celu armia rosyjska, niezależnie od suwerenności Prus, w pewnym momencie była gotowa przekroczyć granice królestwa. W przypadku pruskiego oporu armia inwazyjna musiałaby traktować Prusy jako kraj wrogi. Analiza dokumentów znalezionych w Archiwum Polityki Zagranicznej Imperium Rosyjskiego sugeruje, że sytuacja dyplomatyczna była na krawędzi rozłamu między sojusznikami. W przypadku takiego rozwoju wydarzeń, zamiast wojny koalicyjnej z Francją, mogłoby dojść do zbrojnej konfrontacji między sojusznikami – takie były realia polityki zagranicznej z 1805 r. Ta sytuacja ostatecznie doprowadziła do tego, że król pruski (choć zawarł sojusz z Aleksandrem I i przeniósł swoje wojska na teatr przyszłych działań wojennych) nie brał udziału w wojnie i dlatego w dużej mierze koalicja została pokonana.

Słowa kluczowe: dyplomacja i polityka zagraniczna; Adam Czartoryski; koalicje przeciwko Francji; Aleksander I; Fryderyk-Wilhelm III; Prusy.

TO THE MILITARY-DIPLOMATIC SITUATION OF ONE COALITION WAR IN THE EARLY XIX CENTURY

Summary

This article discussed one of the difficult foreign and diplomatic episodes on the eve of Coalition War in 1805, including the desire of Alexander I bring Prussia into anti-French Coalition, without which the Allies could not hope for success. In historical literature it is stated that the stubborn desire of the Prussian king to maintain the policy of neutrality of Prussia was finally overcome by the confirmation of the alliance between Russia and Prussia during the visit of the Russian emperor in Berlin. But it is remained unknown, that the emperor considered as possible to overcome the Prussian neutrality by using force. Furthermore, to this end, it is assumed that the Russian army, regardless of the sovereignty of Prussia, at a certain moment would cross the borders of the kingdom. In the event of Prussian resistance, the invading army had to treat it as a hostile country. An analysis of the documents found in the Russian Empire Foreign Policy Archive suggests that the diplomatic situation was on the brink of a rift between the allies. In case of such development of the events, instead of Coalition war against France, an armed confrontation between its two key allies could have take place – such is the foreign policy reality of the situation in 1805. This situation ultimately led to the fact that Prussian King (although he made an alliance with Alexander I and moved his troops to the theater of future military operations) did not part in the war, and this is largely why this coalition was defeated.

Keywords: diplomacy and foreign policy; Adam Chartoryski; Coalitions against France; Alexander I; Frederick-Wilhelm III; Prussia.